

В свете ламп Шэнь Юй, опустив ресницы, смотрел на стоящий перед ним бокал.

В прозрачном стекле колыхалась красивая водянистая жидкость. Свет, попадая внутрь, приобретал переливчатые, радужные оттенки. Смесь разнообразных пугающих крепких напитков одним своим видом вызывала жжение в желудке.

Второе поколение богачей, увидев такую выходку, сначала пришло в шок, а затем подняло вверх большой палец, обращаясь к Юй Тинсы.

— Черт, молодой господин Юй умеет развлечься!

— Рядом же Государственная больница, это называется дальновидностью, понимать надо.

Компания хохотала, не принимая ничего всерьез, с видом «лишь бы повеселиться, а что будет — не важно».

Шэнь Юй мысленно прокомментировал: [Если бы Чжоу Цзиньшэн это выпил, он бы тут же дуба дал.]

007 глубоко нахмурился и серьезно поправил: [Если выпьет хозяин, тоже недалеко до дуба.]

007 добавил: [Если хозяин решит пить, 007 рекомендует сначала связаться с врачом, на всякий случай.]

Взгляд Шэнь Юя скользнул по лицу Юй Тинсы, затем переместился на Чи Сяньли и, наконец, обвел сидящих в кабинете богатых бездельников, с удобством расположившихся наблюдать за зрелищем.

Взгляд его был спокойным и ровным, с каким-то невыразимым чувством.

В этот момент никто не знал, о чем он думает.

По идее, в такой ситуации человек должен хотя бы разозлиться, верно?

Не получив ожидаемой реакции, зачинщики беспорядка почувствовали себя неловко.

Взгляд Шэнь Юя упал на тот бокал.

Он уточнил вслух:

— Если я выпью, я смогу уйти?

Юй Тинсы приподнял бровь и, словно бросая вызов, поднес бокал еще ближе к Шэнь Юю.

— Конечно.

Ресницы Шэнь Юя дрогнули на веках. Он протянул руку, выхватил бокал из пальцев Юй Тинсы, запрокинул голову и залпом, без остановки, осушил всю смесь крепких напитков с водкой.

Юноша, всё еще в школьной форме, выглядел совершенно спокойно. От того, как он взял бокал, до того, как выпил его до дна — все движения были единым порывом, без малейшей заминки.

Бледные пальцы, сжимающие стенки бокала, влажный от высокоградусного напитка уголок губ, кадык, ходивший вверх-вниз, — в этом море разноцветных огней и грохочущей музыки он казался медленно разворачивающимся свитком на чистом фоне. Контраст рождал щемящую сердце красоту.

Все замерли, не в силах понять, что их так поразило: внезапно проявившаяся, не дрогнувшая перед трудностями удаль или же редкостная внешность, достойная восхищения?

Шэнь Юй крепко сжимал бокал пальцами, на тыльной стороне ладони вздулись вены. Он шаг за шагом подошел к Чи Сяньли.

Хотя именно Шэнь Юя ставили в неловкое положение, и в кабинете не было никого на его стороне.

Но та глубокая тишина и чистота, что вдруг прорвались в нем, когда его загнали в угол, были настолько сильны, что затмили собой всё вокруг. Казалось, это не он не вписывается в этот мир, а мир не вписывается в него.

На какое-то мгновение в кабинете возникло ощущение, что роли поменялись.

Будто всё вокруг — расплывчато и хаотично.

И только он один — неизменно четкий.

Чи Сяньли нахмурился и наконец соизволил уделить внимание, с интересом глядя на Шэнь Юя.

Шэнь Юй остановился, все смотрели на него.

Юноша протянул руку, запястье повернулось вниз.

Бокал с глухим стуком был ловко перевернут и поставлен на гладкую поверхность стола.

Все перевели взгляд на этот звук.

В перевернутом бокале не осталось ни капли жидкости, стекло было абсолютно сухим. Они невольно вытаращили глаза.

И правда выпил до дна?

Снова взглянули на Шэнь Юя: виновник торжества был спокоен, походка твердая, выражение лица неизменно, ни следа опьянения. Даже если они и невзлюбили Шэнь Юя, в душе у них невольно зародилось уважение.

Круто.

Гладкая, как стекло, поверхность стола отражала выражение лица каждого.

Шэнь Юй убрал руку и спросил Чи Сяньли:

— Я могу идти?

Раз уж Юй Тинсы сказал, что выпьет — и свободен, Чи Сяньли должен был хоть немного считаться с семьей Юй. К тому же после такого крепкого попойки он не верил, что Шэнь Юй действительно в порядке. Скорее всего, его держит на ногах одна лишь воля.

Чи Сяньли покачал бокал, на красивом лице появилась улыбка:

— Конечно.

Получив ответ, Шэнь Юй развернулся и, не оглядываясь, прошел через центр комнаты, минуя Юй Тинсы.

Юй Тинсы еще не до конца вырос, был ниже Шэнь Юя на полголовы, но по ауре не уступал, в глазах горела самоуверенность.

Проходя мимо, Шэнь Юй почувствовал на себе взгляд. Юй Тинсы быстро скользнул по нему глазами снизу вверх.

Этот мимолетный, изучающий взгляд был очень быстрым и, когда Шэнь Юй его заметил, мгновенно исчез.

Юй Тинсы за всю свою жизнь не знал неудач. В отличие от Чжоу Цзиньшэна, которого с детства готовили в наследники, или Чи Сяньли, он был поздним ребенком в семье Юй, у него был старший брат, который его прикрывал, семья дружная. Можно сказать, он рос в любви и баловстве. Поэтому и симпатии, и антипатии возникали у него быстро, он привык собирать вокруг себя друзей.

Сердце молодого господина Юя забилось чаще.

Он должен был признать: его чуть-чуть, самую малость, но привлекла та завораживающая аура, что исходила от Шэнь Юя, когда он пил.

На этот раз двое охранников у дверей его не остановили.

Шэнь Юй, не оборачиваясь, широким шагом толкнул дверь и вышел из кабинета. Шум и суета за его спиной схлынули, как морская вода.

За дверью и перед ней были уже два разных мира.

Выйдя наружу, Шэнь Юй мгновенно потерял краски, державшиеся на лице.

Он закрыл глаза, хотел было прислониться к стене и передохнуть, но мимо проходил официант, заметивший его состояние. Он подошел и с участием спросил, не нужна ли помощь.

Шэнь Юю пришлось, покачав головой с улыбкой, отказаться от помощи, пройти сквозь толпу и выйти из «Ланьхайвань».

За порогом клуба напряженная спина Шэнь Юя расслабилась. Он прижал руку к животу, на чистом лбу выступил обильный холодный пот.

Дистиллированная водка, смешанная с другими крепкими напитками, — это вам не шутки. Отдача была сильной. Живот словно бросили в огонь, жар от бурлящего желудка поднимался к самому сердцу.

Швейцар, встречавший его при входе, снова зорко заметил Шэнь Юя.

И не мудрено: Шэнь Юй был слишком ярок, хоть на обложку журнала ставь. Даже среди тысячи человек он бы первым бросился в глаза.

Увидев бледное, с оттенком холодного одиночества лицо юноши, швейцар, хоть и не знал, что случилось, почувствовал необъяснимую жалость.

Подумав мгновение, он сказал напарнику:

— Присмотри за меня минутку, я принесу человеку горячей воды.

Напарник взглянул на Шэнь Юя и усмехнулся, ругаясь:

— Ну ты и добряк, а ему, может, и не нужно.

Швейцар улыбнулся, не отвечая, взял одноразовый стаканчик, налил горячей воды и подошел к Шэнь Юю, протягивая ему.

Шэнь Юй посмотрел на внезапно появившуюся перед ним горячую воду. Сначала хотел отказаться, но, подняв глаза, узнал швейцара, который встречал его. Почему-то он почувствовал к нему симпатию.

Две встречи — для него это уже можно было считать знакомством.

Шэнь Юй взял стаканчик и поблагодарил хрипловатым голосом:

— Спасибо.

Швейцар улыбнулся, глядя на него мягким взглядом:

— Не за что, молодой господин. Уже поздно, вам пора домой.

Шэнь Юй опешил:

— Домой?

Швейцар кивнул:

— Да, каждому ведь нужно возвращаться домой.

Шэнь Юй опустил глаза и на мгновение замолчал.

— Выпейте эту горячую воду и идите домой.

Ночью у «Ланьхайвань» было людно, и швейцар смог выкроить лишь минутку. Передав воду, он ушел.

Шэнь Юй медленно побрел к обочине, нашел фонарный столб и прислонился к нему. Опустив длинные густые ресницы, он держал в руках одноразовый пластиковый стаканчик и маленькими глотками пил воду, пытаясь унять боль в желудке.

К счастью, вокруг сновали одни пьяницы, и их состояние было не лучше, чем у Шэнь Юя.

Он стоял один у дороги и пил горячую воду — это не выглядело странным.

Когда боль немного утихла, Шэнь Юй вдруг услышал рев мотора. Он с трудом поднял голову и посмотрел в ту сторону.

Неподалеку спортивная машина, войдя в управляемый занос, лихо вписалась в поворот, шины взвизгнули по асфальту, и автомобиль резко затормозил, встав поперек дороги прямо перед воротами клуба «Ланьхайвань».

Дверца открылась.

Чжоу Цзиньшэн был в повседневной черной тонкой худи. Облокотившись на крутую и стильную серебристую спортивную машину, с длинными ногами, он одной рукой держал телефон и, опустив голову, печатал сообщение.

Кто-то тут же бросился к нему с подобострастием, но Чжоу Цзиньшэн даже головы не поднял, лишь холодно «хмыкнул» в ответ.

Черные волосы юноши лежали свободно, вид был ленивый. Яркий свет вывески «Ланьхайвань» падал на его точеное лицо, делая глаза еще более холодными и глубокими.

Возможно, Шэнь Юй смотрел слишком долго. Чжоу Цзиньшэн почувствовал его взгляд, повернул голову и посмотрел на Шэнь Юя.

Показалось, что перед глазами что-то блеснуло. Не успел Шэнь Юй среагировать, как желудок вдруг скрутило спазмом, словно в огне.

Лицо Шэнь Юя стало мертвенно-бледным. Ему хотелось, позабыв о приличиях, скорчиться на земле. К боли добавились позывы к тошноте, в груди поднялась волна дурноты.

Задержав дыхание, Шэнь Юй тут же подбежал к урне и его вырвало так, что свет померк.

Швейцар, приносивший воду, хоть и ушел, но работал у входа. Он то и дело бросал взгляды в сторону Шэнь Юя и, увидев, как того внезапно вырвало, а выглядел он совсем плохо, встревожился.

Сердце его сжалось, и он почти инстинктивно бросился к нему, но напарник схватил его за руку. Нахмурившись, он поспешно понизил голос, удерживая его:

— Эй, твою мать! Ты что делаешь? Это не наши разборки, нам-то какое дело? Ты посмотри на таких, как он, — нам, простым людям, о них заботиться? Смотри, не вляпайся в историю!

Швейцар опешил и поднял глаза.

Он увидел, как только что вышедший из кабриолета молодой человек необыкновенной наружности, нахмурившись, развернулся и направился прямо к Шэнь Юю.

Вырвавшись над урной, Шэнь Юй сразу почувствовал себя лучше.

Но энергия в теле, казалось, иссякла в один миг. Конечности похолодели, сил не было, всё тело покрылось холодным потом. Пронизывающий холод, как иглами, пробивал тонкую школьную рубашку, по коже побежали мурашки.

Шэнь Юй, ничего не замечая, опустил голову.

Чистый, белый носовой платок протянула ему чья-то рука.

Шэнь Юй взглянул на руку — блеснуло серебро, и он понял, что тот блеск перед глазами не был ему померещился.

Чжоу Цзиньшэн, слегка согнувшись, молча смотрел на Шэнь Юя.

В правой мочке у него была серебряная серьга тонкой работы. Круглая сережка свисала двумя колечками с маленькими горошинами, отливая холодным серебристым блеском в свете ламп.

В семье Чжоу были строгие правила. Чжоу Цзиньшэн, как бы ни был неукротим вне дома, все же принадлежал резиденции Чжоу в Сыхуаюане, где всем заправлял старый господин. Проколоть уши он бы не посмел, значит, серьга была на зажиме.

Кто бы мог подумать, что у молодого Чжоу Цзиньшэна были такие пристрастия.

Хотя, если подумать, сколько бы мрачности и глубины ни было во внешности Чжоу Цзиньшэна, ему сейчас всего семнадцать-восемнадцать, он все еще юноша. Как тут не быть духу

противоречия и подростковому бунту?

Интересно, вспоминая свои подростковые выходки много лет спустя, будет ли он, как все обычные люди, мучиться стыдом?

Наверняка будет. Шэнь Юй невольно задумался: если он, владелец тайн юности Чжоу Цзиньшэна, вдруг всплывет в будущем, какова вероятность, что Чжоу Цзиньшэн его прикончит?

Аминь.

Возможно, Шэнь Юй молчал слишком долго. Чжоу Цзиньшэн, опустив ресницы, выразительно кивнул на платок и спросил:

— Не надо?

007 напомнил: [Хозяин, сейчас не время для размышлений.]

Он столько ждал у входа в «Ланьхайвань» не просто так.

Шэнь Юй начал входить в нужное состояние.

Густые черные ресницы, подобно сити, процеживали свет, мелко подрагивая. На бледном, бескровном лице он попытался изобразить улыбку, но безуспешно.

Бесцветные губы Шэнь Юя дрогнули.

Он хотел сказать: Чжоу Цзиньшэн, великий господин Чжоу, ты что, правда не знаешь?

Мы же учимся вместе. Даже если я действительно перед тобой провинился, зачем же меня так подставлять?

Но в конце концов Шэнь Юй ничего не сказал.

Он выхватил платок из рук Чжоу Цзиньшэна и швырнул его в урну. Холодно взглянув на Чжоу Цзиньшэна, он поднялся, прошел мимо него, открыл дверцу такси, устало сел в машину и захлопнул дверцу.

Такси влилось в поток машин и быстро исчезло.

Чжоу Цзиньшэн с мрачным лицом смотрел вслед удаляющейся машине.

В тот момент, когда он увидел Шэнь Юя в «Ланьхайвань» и получил сообщение от Чи Сяньли с приглашением, он и так понял, что произошло. Это не он всё устроил. Он по доброте душевной хотел помочь, а в итоге Шэнь Юй его не так понял.

С каких это пор Чжоу Цзиньшэн лез с добротой к тем, кому это не надо? Он сильно нахмурился, и в сердце быстро промелькнула ледяная злоба.

Чжоу Цзиньшэн, стоя у обочины, с холодным лицом закурил сигарету, но не затянулся.

Телефон вибрировал без остановки — компания торопила.

Огонек на кончике сигареты то вспыхивал, то гас.

Чжоу Цзиньшэну надоел этот шум, он ответил на звонок Чи Сяньли.

— Алло-алло, великий господин Чжоу, ты чего не идешь? Ты пропустил такое представление...

Чжоу Цзиньшэн нахмурился и холодно оборвал его:

— Заткнись.

<http://bllate.org/book/15910/1427401>